

ЗАПИСКА П. А. САБУРОВА

Россия.—Франція.—Новая Германія.

1870—1880.

Сорокъ лѣтъ назадъ прежнее, политическое равновѣсіе въ Европѣ было сильно потрясено. Франко-Прусская война повлекла за собою измѣненіе взаимоотношеній и условій въ сближеніи державъ, и возникла необходимость возсоздать равновѣсіе на новыхъ началахъ. Для этой работы нужно было время. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи я ограничусь лишь указаніемъ на тѣ общія идеи, подъ вліяніемъ которыхъ, послѣ войны 1870 г., отношенія между Россіею и Германіею стали подвергаться измѣненію.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій уже носилось въ воздухѣ невольнѣ, быть можетъ, опредѣлившееся сознаніе того, что преобразование Пруссіи въ Германскую Имперію, выведетъ политическія взаимоотношенія изъ рамокъ прошлаго. Политической работѣ кабинетовъ, казалось, настаетъ конецъ: на ея мѣсто выдвигалась политика народная, съ повышенной чувствительностью и болѣе радикальными стремленіями, нежели политика монарховъ, сообразовавшаяся со взаимными узами родства.

Событія, однако, заслоняя политику дворовъ, внезапно выдвинули на первый планъ борьбу двухъ соперничающихъ расъ, раздѣленныхъ сознаніемъ опасности усиленія одной за счетъ другой. Подъ давленіемъ этого сознанія заработала инстинктъ самосохраненія, поднялась національная гордость, и невольно напрашивался вопросъ: приведетъ ли это соперничество къ раздѣленію сферы господства и политическаго вліянія Славянскаго и Германскаго племенъ, или повлечетъ за собою столкновеніе, отъ котораго поколеблятся міровыя основы.

Таковы были, до извѣстной степени, еще туманныя очертанія идей, бродившихъ по сю и по ту сторону границы.

Давленіе этихъ идей на правительственную политику придаетъ особый драматическій интересъ послѣднему десятилѣтію царствованія покойнаго Государя Императора Александра II-го.

Въ появившейся недавно политической статьѣ, подписанной однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей названной эпохи*), роль Императора Всероссійскаго обрисована въ выраженіяхъ, которыхъ я здѣсь приводить не буду; замѣчу однако, что выраженія эти свидѣтельствуютъ безусловно, что авторъ запаматовалъ полноту событій, повелительно опредѣлявшихъ политическое направленіе Монарха въ 1870 году.

Да будетъ мнѣ позволено, въ видахъ возстановленія исторической истины, вернуться къ этимъ событіямъ.

Императоръ Александръ II-й вступилъ на прародительскій престолъ при тяжело́мъ наслѣдіи Крымской кампаніи. По мирному трактату 1 Марта 1857 г. мы потеряли часть нашихъ владѣній и лишились права возсоздать наши морскія силы въ Черномъ морѣ, а конвенціею 15 Апрѣля того же года Франція, Австрія и Англія обязались, на случай нарушенія названнаго выше трактата, объявить намъ войну. Такимъ образомъ вышло, что мы были поставлены лицомъ къ лицу, съ направленною противъ насъ постоянною коалиціею державъ. Въ создавшемся положеніи, связанные по рукамъ и ногамъ и пользуясь дружественнымъ расположеніемъ одной только Пруссіи, мы очевидно не могли болѣе продолжать политику дуализма Императора Николая I, направленную къ отстаиванію интересовъ Австріи противъ Прусскихъ вождѣній. Пруссія же, наоборотъ, одерживая побѣды на Богемскихъ равнинахъ, бессознательно содѣйствовала нашему политическому возрожденію. Ея побѣда въ сраженіи при Кенигсграцѣ была, послѣ Италійской войны, вторымъ ударомъ, подрывавшимъ крѣпость коалиціонной конвенціи 15 Апрѣля 1857 г.

Наступила наконецъ всѣми ожидавшаяся война 1870 г. Наполеонъ III, въ поискахъ за союзниками, обращался къ Австріи. Возможность такого союза въ общихъ чертахъ обсуждалась осенью 1869 г. при свиданіи Монарховъ въ Зальцбургѣ, причемъ обстоятельствомъ этимъ и опредѣлялось направленіе въ нашемъ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Вѣдь не подлежало сомнѣнію, что, на случай пораженія Пруссіи, мы бы очутились опять въ томъ самомъ положеніи разобщительности и безсилія, которое было создано Крымскою кампаніею, да еще, въ придачу, получили бы Германію съ преобладающимъ въ ней Австрійскимъ вліяніемъ.

Такой именно взглядъ на дѣло былъ и руководящею нитью въ политикѣ Императора Александра II въ началѣ войны 1870 г., и—могучимъ двигателемъ успѣховъ Пруссіи.

Россіи необходимо было нейтрализовать Австрію въ предстоящей борьбѣ, и можно безъ преувеличенія утверждать, что, при наличности приведенныхъ

*) Emile Olivier, Ministre de Napoléon III: „La guerre de 1870“ *Révue des deux Mondes*, I Février 1911.

выше обстоятельствъ, успѣхъ Прусскаго оружія былъ побѣдою и для насъ! Лучшимъ доказательствомъ тому да послужитъ отказъ нашъ отъ Парижскаго трактата въ 1870 г.

Но часто случается, что и самыя безспорныя основанія для той или иной человѣческой дѣятельности, будучи поставлены лицомъ къ лицу съ созданными ими же обстоятельствами, вызываютъ сомнѣніе.

И такъ уже первыя Прусскія побѣды, предвѣщавшія возможность возникновенія у нашихъ предѣловъ могущественной Германской Имперіи, побудили „Московскія Вѣдомости“ напечатать цѣлый рядъ статей, выражавшихъ „патріотическія опасенія“ въ широкомъ кругу читателей.

Изъ двухъ созданныхъ такимъ путемъ политическихъ теченій правительству приходилось выбирать.

Для молодого поколѣнія Крымская кампанія отошли въ область далекаго историческаго прошлаго. Поколѣнію этому чужды были и мысли, и горькія чувства обиды, таившіяся въ сердцахъ людей, пережившихъ паденіе Севастополя. Новыя общественныя наслоенія, имѣя въ виду неизбежное возникновеніе Германской Имперіи въ нарушеніе началъ Европейскаго равновѣсія, считали первѣе всего необходимымъ, ради безопасности самой Россіи, предотвратить полный разгромъ Франціи. Они опасались очутиться разобщенными передъ лицомъ могущественной Германіи, блистательно доказавшей военную мощь свою послѣдовательнымъ разгромомъ двухъ великихъ континентальныхъ государствъ *).

А лицамъ, которыя ближе знакомы были съ политическимъ направленіемъ предшествовавшей эпохи, казалось, наоборотъ, необходимымъ бережно относиться къ дружественной связи съ Пруссіею. Признавая разрывъ и нежелательнымъ, и несвоевременнымъ, они бы рады были въ раздвинувшейся и усилившейся Пруссіи привѣтствовать союзника, который можетъ, наконецъ, быть полезенъ, союзника, котораго намъ въ тяжелые дни не доставало, и который могъ бы теперь быть противовѣсомъ сопряженіямъ, преграждавшимъ намъ путь на Востокъ.

Императоръ Александръ II-й, послѣ Франкфуртскаго мира, оставался вѣренъ этимъ именно идеямъ, о чемъ Европу оповѣстили обмѣнъ знаменитыхъ депешъ между двумя Монархами. По этому поводу утверждали тогда, будто Россія предоставила себя Пруссіи въ пользованіе. Слово это, безконечно повторяемое, превратилось, наконецъ, для Московскихъ патріотовъ въ исто-

*) Бисмаркъ, посѣтивъ въ Петербургѣ Ф. Н. Тютчева, прямо сказалъ ему, что послѣ Австріи и Франціи, чередъ за Россіею. (Слышано нами отъ самого Тютчева). П. Б.

рическую истину, хотя въ немъ не было даже и крупницы правды: ибо, если и была пожива, то во всякомъ случаѣ двусторонняя, и лишь съ того времени Императоръ Александръ II, политически болѣе не стѣсняемый въ Европѣ, освободился отъ стѣснявшихъ его сопряженій и вернулъ Россію въ прежнее міровое ея положеніе.

Въ 1873 году, согбенный годами и покрытый славой Императоръ Германскій отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи князя Бисмарка и фельд-маршала графа Мольте. Создатели Германской Имперіи прибыли для выраженія чувства благодарности и самолично принесли Монарху Всероссійскому памятные историческія слова Версальской депеши: „Всемогущему Богу, а потомъ Вашему Величеству мы обязаны побѣдою“. И, конечно, испытанное въ эту минуту Государемъ Императоромъ чувство глубокаго удовлетворенія стоило того милліона, который, говорятъ, былъ истраченъ для достойнаго приема и встрѣчи двухъ повелителей міра.

Да, въ то время они таковыми были безспорно: ибо дѣя континентальныя державы, которыя, пожалуй, могли оспаривать міровое положеніе Монарховъ, были разгромлены, и не было прежняго Европейскаго равновѣсія. Для насъ этимъ вызывалось воспоминаніе о положеніи нашемъ въ Тильзитѣ, но безъ неудачъ подъ Аустерлицомъ и Фридландомъ. И стоило Государю Императору подчеркнуть наше политическое единомысліе съ Пруссією, чтобы, не вынимая меча изъ ноженъ, достигнуть положенія столь блестящаго. Нечего дивиться, что въ виду такого вѣскаго политическаго успѣха, у Монарховъ зародилась мысль о болѣе прочномъ длительномъ союзѣ.

Система принесла обильные плоды. Она принесла бы ихъ и еще въ будущемъ.

Начертанная политическая линія вѣроятно оказалась бы плодотворною и въ надвинувшемся вслѣдъ за симъ Восточномъ вопросѣ, еслибы Императоръ Александръ II былъ Самодержцемъ не только на дѣлѣ и по праву, но и по своимъ наклонностямъ.

Въ то время, какъ Государь рѣшительно настаивалъ на союзѣ съ Пруссією, антигерманское теченіе въ обществѣ крѣпло, развивалось и успѣло проникнуть до самаго правительства, черезъ большую дверь Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Канцлеръ князь Горчаковъ, уже при самомъ началѣ событій, относился съ нѣкоторымъ опасеніемъ къ грядущему объединенію Германіи. Не имѣя возможности при возникновеніи войны помѣшать самоличному общанію Александра II-го побудить Австрію къ невмѣшательству размѣщеніемъ двухсоттысячной Русской арміи у ея предѣловъ, онъ однако не скрывалъ своего отрицательнаго отношенія къ такому политическому шагу. Позднѣе, во время осады Парижа, не особенно довѣряя общаніямъ князя Бисмарка, который

въ ту эпоху готовъ былъ обѣщать рѣшительно все, канцлеръ совѣтовалъ Государю не выжидать окончательной побѣды Пруссіи и немедленно отказаться отъ статей Парижскаго трактата касательно Чернаго моря.

Отказъ этотъ, послѣдовавшій въ крайне-рѣшительныхъ выраженіяхъ, допуская возможность столкновения, вынудилъ Пруссію дѣйствовать съ нами заодно, въ случаѣ если бы Англія и Австрія вздумали, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивать неприкосновенность Парижскаго трактата.

Въ Прусскомъ лагерѣ, въ эти критическія минуты, осязательно ощущалась опасность всеобщей войны, и князю Бисмарку, какъ лицу, главнымъ образомъ, заинтересованному въ томъ, чтобы Франція продолжала оставаться безъ союзниковъ, пришлось поработать для насъ, добиваясь у Англіи мирнаго разрѣшенія вопроса о Черномъ морѣ. Старанія Бисмарка увѣнчались успѣхомъ, и событія оправдали расчеты князя Горчакова. Не взирая однако на вполне заслуженное благоволеніе Государя къ князю Горчакову за мастерской политической шагъ, существовавшее дотолѣ политическое разномысліе канцлера и Монарха не сгладилось.

Императоръ Александръ II-й, въ своей логической послѣдовательности, продолжалъ считать сильную Пруссію средствомъ для собственнаго усиленія. Онъ не хотѣлъ забывать, что, при началѣ его царствованія, Австрія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе слабости Пруссіи, рѣшила присоединиться къ западной коалиціи. Онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не допускалъ возможности перехода Пруссіи въ лагерь своихъ противниковъ. Естественно, что, при такомъ взглядѣ, Государь признавалъ союзъ съ Германскою Имперіей вѣнцомъ политики всего своего царствованія.

Князь Горчаковъ, со своей стороны, далеко не былъ увѣренъ въ прочности благожелательныхъ отношеній Пруссіи. Не имѣя возможности помѣшать быстрому ея усиленію, онъ, подобно Государю, мечталъ изъ возрастанія Пруссіи извлечь выгоды для Россіи, но иными путями. Онъ зналъ, что „идея реванша“ будетъ долгіе годы жить въ душѣ Французскаго народа, и ему хотѣлось создать для Россіи роль посредницы, вершительницы судебъ Европейскихъ народовъ. Канцлеръ любилъ сравнивать свое отечество съ богатой наслѣдницею, разрѣшавшею поклонникамъ ухаживать за собою, но ревниво оберегавшею свою свободу.

Которая же изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, въ пережитые нами историческіе дни, была вѣрна?

Печальнымъ исходомъ послѣдней Русско-гусецкой войны отчасти разрѣшается этотъ вопросъ. Князю Горчакову къ тому времени было уже около 75-ти лѣтъ. Въ такомъ преклонномъ возрастѣ будущее кажется краткимъ, и,

неохотно предаешься предугадыванію новыхъ событій; а надлежитъ предлагать, что Императоръ Александръ II не отказался еще отъ надежды получить удовлетвореніе за утерянную часть Бессарабіи. Предвидя возможность столкновенія съ Турціей, Государь въ тѣсной связи съ Германіей усматривалъ могущественную поддержку Россіи.

Такимъ образомъ, личная политика Императора Александра II находила помѣху во взглядахъ и образѣ дѣйствій его канцлера, а противоположныя теченія Русской политики не могли не отразиться и на преисполненной сомнѣній политикѣ Германскаго правительства.

Здѣсь будетъ умѣстно поставить вопросъ: кто же совершилъ первый ложный шагъ? Россіи ли или Пруссія распатала тѣсную связь, задолго до того скованную событіями, между двумя великими державами?

Въ Русскихъ общественныхъ кругахъ вину приписывали князю Бисмарку, но упрекъ, направленный въ его сторону, кажется мнѣ мало обоснованнымъ. Этотъ государственный человекъ, довершая объединеніе Германіи, не могъ очевидно упускать изъ виду тѣхъ опасностей, которымъ отечество его подвергалось въ будущемъ. Не противорѣчило ли его выгодамъ, ставить рядомъ съ разгромленной Франціей враждебно настроенную Россію? И могъ ли онъ не считаться съ законами географіи, которые повелительно предписываютъ Германіи отстаиваніе трехъ уязвимыхъ границъ?

Австрія, положимъ, къ тому времени уже не была опасна. Великодушный побѣдитель при Кѣнигсграцѣ, отказавшись отъ земельныхъ пріобрѣтеній за счетъ ея, тѣмъ самымъ подготовлялъ почву для будущаго соглашенія съ этою державою. Но не такъ легко было справиться съ двумя другими границами.

Разбитая Франція была лишь временно обезсилена. Быстрый ростъ ея военной мощи смущалъ Германію. Въ этомъ отношеніи событія не оправдали расчетовъ князя Бисмарка, который поддерживалъ республиканскій режимъ, ибо, въ концѣ концовъ ему не удалось ни примирить съ собою Францію, ни ослабить ее внутренними раздорами.

Относительно восточной границы задача также была не изъ легкихъ. Граница—эта крупнѣйшая забота новой Германіи, это ея Ахиллесова пята, которую можно было обезопасить лишь союзомъ съ Россією. Князь Бисмаркъ превосходно понималъ положеніе. Онъ звалъ, что не выгодно для Германіи переменною фронта поддерживать антинѣмецкое теченіе, пробивавшееся въ Россіи послѣ событій 1870 года. Это фатальное, неизбѣжное теченіе зародилось на почвѣ названныхъ событій, какъ самодовлѣющій національный порывъ, не охлаждаемый политическимъ расчетомъ, и именно въ немъ, въ этомъ порывѣ, кроются причина и исходная точка новаго вида взаимоотношеній Россіи и Германіи послѣ Франкопрусской войны.

Несмотря однако на все это, было бы трудно предугадать событія, если бы воля Императора Александра II-го была столь же непреклонна, какъ воля его Предшественника и его Наслѣдника, и если бы покойный Государь съумѣлъ удержать канцлера въ узкихъ рамкахъ исполнителя своихъ собственныхъ предначертаній. Нѣтъ большей опасности для монарха, какъ держать при себѣ министра, съ которымъ онъ расходится во взглядахъ. Міръ идей, подчиняясь закону равенства, не допускаетъ отклоненія отъ этого начала безъ перемѣны дѣйствующихъ лицъ; въ противномъ случаѣ можетъ наступить обмѣнъ ролей, и монархъ подвергнется риску стать невольнымъ орудіемъ въ рукахъ своего министра. А вѣдь послѣдній и безъ того, какъ руководящій подробностями работы, придаетъ политикѣ свой личный отпечатокъ.

Такъ оно и оказалось въ 1875 г. Французское правительство, встревоженное въ то время донесеніями своего Берлинскаго посла объ одномъ разговорѣ съ г. Радовицемъ, обратилось къ Петербургскому кабинету съ просьбою оградить Францію отъ воинскихъ замысловъ Германіи. Князь Горчаковъ горячо откликнулся на призывъ Франціи. Онъ не преминулъ воспользоваться случаемъ, чтобы сыграть роль посредника—примирителя между Франціею и Германіею, и уговорилъ Государя, отправлявшася въ то время въ Эмсъ, остановиться въ Берлинѣ для переговоровъ съ Императоромъ Вильгельмомъ. Канцлеръ въ поѣздкѣ этой сопровождалъ Государя и успѣлъ заручиться согласіемъ Англій на совмѣстное съ Англійскимъ посломъ официальное представленіе князю Бисмарку. Привожу точное изложеніе событій со словъ трехъ лицъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи.

По изложенію князя Горчакова, Франція искала у насъ защиты отъ воинственныхъ намѣреній Германской военной партіи. Государя нашего въ этомъ отношеніи вполне успокоилъ Императоръ Вильгельмъ, заявивъ, что, при его жизни, больше войны не будетъ. Съ другой стороны и князь Горчаковъ имѣлъ дружеское, но рѣшительное объясненіе съ княземъ Бисмаркомъ, который выражалъ сожалѣніе, что къ его стремленію сохранить миръ относятся съ недоувѣріемъ, тогда какъ онъ надъ этою задачею проводитъ безсонныя ночи. „Вотъ эти-то ваши безсонныя ночи и тревожатъ Европу“, возразилъ нашъ канцлеръ. „Подумайте, надъ вами тяготѣетъ бремя вашей славы. Когда вы страдаете безсонницей, и Европѣ не до сна; а появивъ у васъ мигрень, Европу трясетъ лихорадка“. „Я долженъ, впрочемъ, признать“, продолжалъ канцлеръ, „что князь Бисмаркъ къ преподанному ему въ этомъ комплиментѣ уроку отнесся, какъ умный человекъ. Онъ отрицалъ всякія враждебныя намѣренія по отношенію къ Франціи, которой хотѣлъ лишь дать дружеское предостереженіе. Мы съ нимъ разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ“.

А вотъ изложеніе лорда Одо Росселя:

„Я какъ-то получилъ депешу изъ Департамента Иностраннхъ Дѣлъ (Foreign Office), что Парижъ сильно встревоженъ содержаніемъ одной бесѣды

Радовица съ Гоно-Бирономъ. Отправляюсь къ князю Бисмарку и прошу его дать возможность успокоить мое правительство. Князь просилъ меня сообщить въ Лондонъ, что онъ считаетъ для себя оскорбительнымъ приписываемое ему намѣреніе новою войною поставить на карту существованіе Германской Имперіи. Онъ-де въ неудовольствіи не на Францію, а на военные круги въ обѣихъ странахъ, и если бы кругамъ этимъ предоставлена была полная свобода дѣйствій, они бы быстро довели дѣло до войны. „Такъ вотъ, продолжалъ князь, чтобы сосредоточить въ моихъ рукахъ нити этихъ жгучихъ вопросовъ, мнѣ и пришлось поставить ихъ на почву дипломатическихъ объясненій. Объясненія состоялись, я достигъ цѣли, войны не будетъ“. „Я сообщилъ объ этихъ подробностяхъ лорду Дэрби, а нѣсколько дней спустя, прибылъ въ Берлинъ Императоръ Александръ II, въ сопровожденіи своего канцлера. Одновременно съ симъ я, къ крайнему моему удивленію, получилъ изъ Лондона приказаніе присоединиться къ тѣмъ представленіямъ, которыя князь Горчаковъ намѣревался сдѣлать князю Бисмарку. Прошлое подчиниться, хоть я и былъ убѣжденъ и въ безцѣльности этого шага, и въ томъ, что онъ подѣйствуетъ раздражающе на князя Бисмарка. Порѣшивъ сыграть роль нѣмого дѣйствующаго лица въ пьесѣ, я умышленно опоздалъ къ совѣщанію на четверть часа. Князь Горчаковъ привѣтствовалъ меня словами: „Садитесь, дорогой посоль. Вы далеко не лишній въ нашей бесѣдѣ“. Усѣвшись, я сталъ прислушиваться къ словесному турниру между двумя канцлерами и не могу не признать, что всѣ преимущества оказались на сторонѣ князя Горчакова. Онъ побивалъ своего противника и хладнокровіемъ, и рыцарскими приемами, и тонкимъ пониманіемъ положенія, и широтою кругозора. Князю Бисмарку было какъ будто не по себѣ, и мнѣ, чуть ли не въ первый разъ пришлось замѣтить, что онъ съ трудомъ подыскивалъ возраженія“.

„На другой день меня навѣстилъ статсъ-секретарь Бюловъ, и послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ заявилъ самымъ оффиціальнымъ тономъ: „Его свѣтлость канцлеръ Германскій поручилъ мнѣ выразить вашему превосходительству сожалѣніе, что кредитъ вашъ у Англійскаго кабинета оказался далеко не такимъ значительнымъ, какъ то казалось его свѣтлости“.

„Пораженный неожиданностью этой выходки, я возразилъ статсъ-секретарю Бюлову: „Будьте любезны сообщить императорскому канцлеру отъ моего имени, что я также имѣлъ преувеличенное понятіе о кредитѣ, коимъ пользуется его свѣтлость у Русскаго кабинета“.

Таковъ былъ ходъ переговоровъ по изложенію лорда Одо Росселя.

Князь Бисмаркъ, лишь много лѣтъ спустя, намекнулъ мнѣ какъ-то на описанный выше случай, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мнѣ иногда бываетъ трудно сговориться съ собственнымъ правительствомъ, чѣмъ съ правительствами иностранныхъ державъ. Генеральный штабъ нашъ ведетъ непрерывную

войну съ тремя сосѣдами нашими, не исключая Австріи. Воевать—это ихъ ремесло, но уже во всякомъ случаѣ не мое. Наши стратеги въ 1875 г. зашли слишкомъ далеко, и мнѣ пришлось вмѣшаться въ дѣло. Имъ казалось, что Франція черезчуръ быстро оправляется послѣ разгрома. Хотя Императоръ нашъ, къ счастью, больше не желаетъ воевать, я опасался однако оставлять его подъ вліяніемъ нашего генеральнаго штаба. Вотъ почему мнѣ пришлось вызвать Францію на объясненіе. Я, по крайней мѣрѣ, знаю, когда пора остановиться, военные этого не знаютъ никогда“. И канцлеръ продолжалъ, горячась: „Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ меня не понималъ и предпочелъ одержать за мой счетъ дипломатическую побѣду“.

Я дополню изложеніе этихъ событій любопытнымъ разсказомъ Парижскаго корреспондента газеты „Times“ господина Бловица, съ которымъ я случайно познакомился, много лѣтъ спустя, въ одно изъ моихъ путешествій.

„Незадолго до пріѣзда Императора Александра II въ Берлинъ, разсказывалъ Бловицъ, меня призвалъ министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Деказъ и, обращаясь съ просьбою оказать ему услугу, сообщилъ: мы получили важныя извѣстія изъ Берлина; къ намъ придираются за наши вооруженія. Императоръ Всероссійскій, у котораго мы искали защиты, выразилъ готовность остановиться въ Берлинѣ по пути въ Эмсъ, для переговоровъ съ дядею своимъ Императоромъ Германскимъ. Но чтобы касаться столь щекотливаго предмета, не подвергаясь упреку въ явномъ вмѣшательствѣ въ чужія дѣла, слѣдовало бы начать съ подготовки общественнаго мнѣнія, съ извѣщенія всей Европы, что она, быть можетъ, находится наканунѣ новой войны. Французскимъ газетамъ неудобно поднимать этотъ вопросъ: насъ бы тотчасъ обвинили въ ухищреніи. Эту задачу могла бы принять на себя независимая Англійская газета „Times“, которой я готовъ доставить всѣ необходимыя къ тому показанія“.

„Я написалъ объ этомъ, продолжалъ Бловицъ, къ издателю „Times“. Сей послѣдній однако безъ документальнаго подтвержденія тревожныхъ извѣстій Департаментомъ Иностранныхъ Дѣлъ (Foreign Office) не призналъ возможнымъ помѣстить въ своемъ изданіи корреспонденцію, приписывающую дружественной державѣ намѣреніе совершить разбойничій набѣгъ на Францію“.

„Получивъ мое сообщеніе, герцогъ Деказъ послѣ засѣданія въ Совѣтѣ Министровъ, пригласилъ меня къ себѣ и предъявилъ депеши графа Гонтон-Бирона, излагающія содержаніе его бесѣды съ г. Радовицемъ. Независимо отъ сего герцогъ сообщилъ мнѣ, что копии этихъ депешъ высланы въ Лондонъ для предъявленія ихъ Англійскому правительству, и вторично, убѣдительно, просилъ меня стать на защиту моей второй родины. На этотъ разъ колебанія мои положены были предѣлы: вернувшись домой, я написалъ „корреспонденцію“, послалъ ее издателю „Times“ и просилъ не считать меня болѣе сотрудникомъ газеты, если статья моя не будетъ напечатана“.

„Черезъ два дня „корреспонденція“ появилась въ „Times“, и будучи тотчасъ же воспроизведена во всѣхъ изданіяхъ континентальной Европы, произвела на биржахъ панической переполохъ“. Указывая на свой орденъ Почетнаго Легиона, Бловицъ закончилъ словами: „Съ той поры розетка эта украшаетъ мою петлицу“.

Подробности изложенія Бловица, если только считать ихъ точными, не нуждаются въ комментаріяхъ.

И такъ князь Горчаковъ достигъ цѣли. Не подвергая фронтальной атакѣ политику союза съ Германіею, проводившуюся Государемъ, онъ однако осуществлялъ свои собственные планы. Какъ въ лучшіе дни Императора Николая I, Россія въ 1875 г. предписывала Германіи миръ. Чтобы подчеркнуть, въ широкихъ политическихъ кругахъ Европы, значеніе этого событія, изъ Берлина былъ разосланъ всѣмъ Русскимъ дипломатическимъ агентамъ за границую циркуляръ, извѣщавшій, что сохраненіе мира обезпечено. Враги Германіи торжествовали. Въ Россіи Московскіе патріоты „гордо поднимали голову“. Какъ въ 1863 г., по Польскому вопросу, они провозгласили князя Горчакова истиннымъ представителемъ національной политики*).

Послѣдствія этого политическаго событія были великія. Князь Бисмаркъ призналъ значеніе свое поколебленнымъ и съ преувеличеніемъ, какое свойственно лицамъ не испытывавшимъ неудачъ, сравнивалъ униженіе, пережитое новою Германіею, съ судьбою, постигшею слабую Пруссію при Ольмюцѣ. Такимъ образомъ оказалось, что Германія, не взирая на удивительный успѣхъ своего оружія, не освободилась отъ Русской опеки. И безъ разгрома Россіи, въ третьемъ по счету, всегерманскомъ смертномъ бою, безъ рѣшимости поставить на карту всѣ новѣйшія пріобрѣтенія Германской Имперіи, желѣзный канцлеръ не могъ измѣнить созданнаго обстоятельствами положенія. Князь Бисмаркъ по опыту убѣдился въ невозможности склонить чашу вѣсовъ въ свою сторону: всякое дальнѣйшее расширеніе Пруссіи встрѣчало противовѣсъ въ неотразимомъ влеченіи Франціи къ Россіи. Россія же, въ свою очередь, усиливалась за счетъ всѣхъ силъ побѣжденной Франціи.

Вѣроятно, въ эти именно критическіе дни и зародилась у Германскаго канцлера мысль усилить центръ Европы путемъ тѣснаго союза съ Австріею.

Кажется, было уже кѣмъ-то сказано, что геній—это терпѣніе. Князь Бисмаркъ терпѣливо ждалъ три года, глубоко скрывая свое недовольство.

*) Въ Москвѣ тогда прошелъ слухъ, что князь Горчаковъ покидаетъ свою должность, и тогда-то, въ опроверженіе этого слуха, князь Горчаковъ, великій охотникъ рисоваться, котораго Ѳ. И. Тютчевъ назвалъ Нарцисомъ чернильницы (Narcisse de l'écritoire) послалъ А. С. Хомякову его же стихотвореніе „Труженикъ“ см. выше, стр. 438. П. Б.

Судя по тому, какъ предупредительно онъ шелъ на встрѣчу желаніямъ Русскаго правительства во всѣхъ переходахъ Восточнаго вопроса вплоть до самаго Конгресса, слѣдовало заключить, что случай 1875 года имъ давно забыть; но онъ собирался напомнить о себѣ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Ему надо было ждать, чтобъ почва въ Вѣнѣ была достаточно подготовлена. И не безъ чувства удовлетворенія смотрѣлъ желѣзный канцлеръ на пробужденіе Восточнаго вопроса, представлявшаго обширное поле для его политическихъ ходовъ и переходовъ.

Я не стану излагать здѣсь въ подробности исторію ошибокъ, допущенныхъ нами за все время сложныхъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ 1877 года и послѣдовавшихъ непосредственно за нею; скажу только, что князь Бисмаркъ зналъ, къ чему стремился, и шелъ по пути къ заранѣе намѣченной цѣли, мы же, наши намѣренія и наши цѣли видоизмѣняли смотря по ходу событій. Да будетъ мнѣ позволено остановиться на обстоятельстве, имѣвшемъ первенствующее значеніе въ исторіи той эпохи: о нашемъ внезапномъ преткновеніи у воротъ Константинополя.

Согласно первоначальному плану кампаніи, имѣлось въ виду, не переходить черезъ Балканы и ограничиться созданіемъ маленькой Болгаріи. И Государь, и князь Горчаковъ, отказываясь отъ широкихъ военныхъ замысловъ, предпочитали руководиться нашею вѣковой полѣтикою: освобождать постепенно христіанскія народности отъ Турецкаго владычества. Этимъ путемъ казалось возможнымъ и примирить сторонниковъ войны съ ея противниками, и не поднимать всѣхъ военныхъ силъ страны. Да и вмѣшательство Европы при такихъ условіяхъ намъ не угрожало. Державы готовы были молчаливо согласиться на отторженіе отъ Турціи области, залитой Болгарскою кровью. Пока Константинополь пребывалъ внѣ сферы нашихъ операцій, а Турція оставалась Турціею, и выгоды Англій ничѣмъ не нарушались, и Австрія лишена была возможности требовать земельныхъ пріобрѣтеній. Наконецъ, скромная задача наша сама по себѣ, освобождала насъ отъ необходимости союзовъ и соглашеній, тѣмъ болѣе неугодныхъ князю Горчакову, что онъ дорожилъ полною свободою по отношенію къ Германіи и ревниво избѣгалъ ея содѣйствія.

Къ сожалѣнію мы недолго оставались въ предѣлахъ этого соображенія.

Вслѣдъ за переходомъ войскъ нашихъ черезъ Дунай, штабъ Великаго Князя Николая Николаевича потребовалъ, въ видахъ обезпеченія успѣха кампаніи, полной свободы дѣйствій.

Въ столь справедливомъ, съ военной точки зрѣнія, требованіи не могло конечно быть отказа, хотя оно и выводило первоначальный политическій планъ изъ строго очерченныхъ рамокъ. Создателямъ плана слѣдовало это предвидѣть. Уже въ Іюнь мѣсяцѣ генераль Гурко первый разъ перешелъ черезъ

Балканы. Послѣ взятія Плевны, вся наша армія, какъ снѣжная лавина, ска- тилась черезъ Балканы и, не встрѣчая болѣе особеннаго сопротивленія, обру- шилась на Царьградъ.

Выступала предъ нами вѣковая задача, для которой ни мы, ни Европа не были подготовлены. Соглашеніе съ державами касалось лишь первоначаль- ной нашей скромной программы. Неимоვნно быстро развернувшіяся событія создали новое, никѣмъ не предусмотрѣнное, положеніе. Правда, съ Австрією, на случай окончательнаго разгрома Турціи, велись переговоры о присоеди- неніи къ Габсбургской монархіи двухъ приграничныхъ областей, но вѣдь случай этотъ еще не наступилъ: урѣзанная Турція продолжала существовать, и сто- лица ея была невредима. Такимъ образомъ приходилось либо вести съ Авст- рією переговоры на другихъ основаніяхъ, либо сговориться съ Германією, чтобы воспрепятствовать вмѣшательству Вѣнскаго кабинета.

Съ Англією мы наскоро сговорились, давъ обѣщаніе не касаться ни Константинополя, ни Галлиполи, и получивъ взамѣнъ увѣреніе, что Англій- скій флотъ въ проливы не войдетъ. Но соглашеніе это было подорвано напо- ромъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, и заключившему его лорду Дэрби пришлось выйти изъ состава Кабинета.

Въ такомъ полномъ неожиданностей положеніи надлежало имѣть что- либо въ рукахъ. И вотъ почему Англія ввела свою эскадру въ Мраморное море и захватила у безпомощнаго султана островъ Кипръ; а Австрія, не рас- считывая болѣе на наше содѣйствіе, сговорилась съ Англією и Германією от- носительно присоединенія двухъ приграничныхъ областей. Россія въ тѣ дни могла занять Константинополь, но, къ несчастью, заколебалась, и единственная историческая минута была безвозвратно упущена. А вѣдь Государь Императоръ какъ будто предчувствовалъ событія. Приказъ занять Константинополь уже былъ данъ. Въ тотъ самый день, когда стало извѣстно, что Англія, въ нару- шеніе даннаго обѣщанія, ввела флотъ свой въ Дарданеллы, приказъ занять столицу Турціи былъ напечатанъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

Въ оправданіе случившагося ссылались потомъ на несвоевременную пе- редачу депеши. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ Императора Александра II-го въ лучшихъ его начинаніяхъ. Къ сожалѣнію, за все его царствованіе, столь обильное событіями крупнѣйшаго значенія, природная доброта человѣка при- чиняла непоправимый вредъ энергіи самодержца. И вотъ почему, въ эту до- стопамятную историческую эпоху, плоды побѣды фатально ускользали изъ нашихъ рукъ.

Ходъ событій превзошелъ ожиданія князя Бисмарка, который рассчиты- валь лишь на то, что подогрѣтое Восточною войною Славянское теченіе запу- гаетъ Австрію и подготовитъ ее для дальнѣйшихъ его замысловъ. Россія,

безъ руководящей нити, безъ союзника, бродила въ потьмахъ. Князю Бисмарку оставалось избрать удобное время, чтобы открыть свои карты.

Вскорѣ послѣ заключенія Берлинскаго трактата политическіе круги Европы съ удивленіемъ прочитали въ газетѣ „Times“ содержаніе бесѣды князя Бисмарка съ корреспондентомъ названнаго изданія, пребывавшимъ въ Берлинѣ во время засѣданій Конгресса. Желѣзный канцлеръ не постѣснился передать гласности свое давнишнее неудовольствіе противъ князя Горчакова. „Я, говорилъ канцлеръ, искренній другъ моихъ друзей и искренній врагъ моихъ противниковъ. Въ этомъ нынче вѣроятно убѣдился и князь Горчаковъ. Причина его пораженія на Берлинскомъ конгрессѣ кроется въ случаѣ 1875 года“.

Съ этого времени разрывъ сталъ явнымъ. Сношенія между канцлерами были прерваны. Князь Горчаковъ сталъ чаще пользоваться продолжительными отпусками, для поддержанія ослабѣвавшаго здоровья, и все бремя руководства политическими дѣлами падало на самого Государя.

Оставаясь вѣрнымъ дружественному расположенію къ Пруссіи, Александръ II-й не понималъ сложной политической игры князя Бисмарка и упрекалъ его въ неблагодарности.

Наконецъ, осенью 1879 года, нараставшія недоразумѣнія, достигнувъ своего зенита, разразились случаями чуть было не созданными размолвки между двумя правительствами. Я не считаю себя въ правѣ предавать событія эти гласности. Ограничусь замѣчаніемъ, что князь Бисмаркъ достигъ цѣли. Онъ вовсе не имѣлъ въ виду доводить дѣло до войны, но предлогъ, чтобы склонить Императора Вильгельма къ союзу съ Австріею, былъ найденъ, и открылась новая глава современной исторіи.

С.-Петербургъ, 1911 г.

Петръ Сабуровъ.

